

The background of the cover is a deep blue night sky filled with stars and constellations. A woman with long, dark, flowing hair is depicted from the chest up, lying down with her eyes closed. She wears a blue garment with white star patterns and a golden crown adorned with teardrop-shaped jewels. Her right arm is extended towards the right side of the frame. The overall style is whimsical and artistic, with a focus on celestial themes.

ДЖОРДЖ МАКДОНАЛД

МАЛЬЧИК ДНЯ И ДЕВОЧКА НОЧИ

Повесть
о Фотогене и Никтерис

Джордж Макдональд

Мальчик дня и девочка ночи.

Повесть о Фотогене и Никтерис

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8267398

Мальчик дня и девочка ночи. Повесть о Фотогене и Никтерис:

Сибирская благозвонница; М.; 2013

ISBN 978-5-91761-213-3

Аннотация

Джордж Макдональд (1894–1905) – создатель жанра фэнтези. Благодаря дружбе Макдональда с Льюисом Кэрроллом и Клайвом Льюисом, «Алиса» и «Хроники Нарнии» увидели свет. Учеником и наследником Макдональда называл себя Гилберт Честертон. Сказочные истории Макдональда многозначны, его задача – тронуть душу, дав простор мысли и чувству. Задача же читателя – не пожалеть душевных сил, открываясь навстречу прекрасной сказке.

Содержание

I. Вато	6
II. Аврора	9
III. Веспер	12
IV. Фотоген	15
V. Никтерис	19
VI. Как рос Фотоген	22
VII. Как росла Никтерис	27
VIII. Светильник	32
IX. Снаружи	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джордж Макдональд Мальчик дня и девочка ночи. Повесть о Фотогене и Никтерис

Издательство «Никея», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

I. Вато

Жила-была ведьма, которая желала знать всё на свете. А чем больше ведьма знает, тем упрямее она добивается свое-

го. Звали её Вато́, и в ней жил дикий зверь. Она никого не любила, и ничто ей было не нужно, кроме всё нового и нового знания. Она не была злой от природы, но зверь, живущий внутри, сделал её злой.

Вато была высокой и стройной, белокожей и рыжеволосой, и в её чёрных глазах полыхал огонь. Она была сильная и величавая, но иногда вдруг её сводила судорога, она скрючивалась, её била дрожь, и несколько мгновений она сидела, вывернув голову через плечо, словно её зверь выбрался наружу и прыгнул ей на спину.

II. Аврора

У этой ведьмы гостили две дамы. Одна была из королевской свиты, её мужа король отправил с трудным посольством в далёкую страну. Другая была молодой вдовой: её муж умер, и она так горевала о нём, что совсем ослепла от слёз. Вато

поселила их в разных частях замка, и они ничего не знали друг о друге.

Замок стоял на склоне, плавно переходящем в долину, где с несмолкающим журчанием протекала речка по каменистому руслу. Долину замыкал крутой, но не слишком высокий уступ. До самого берега простирался сад, обнесённый высокими стенами, которые заканчивались по ту сторону реки. На каждой стене было по два ряда укреплений, а между ними – узкий проход.

В верхней части замка на южной стороне, в просторных покоях из нескольких больших комнат жила дама по имени Аврора. Из её окон открывался восхитительный вид на сад, на противоположный берег реки и на земли вверх и вниз по течению. Вдали виднелись снежные вершины гор. Аврора редко покидала свои покои, но прекрасный вид из окон, свежий воздух и обилие солнечного света, музыкальные инструменты, книги, картины, всевозможные диковинки, а также общество Вато, которая была с ней дружелюбна, не давали ей заскучать. На её столе не переводились фрукты и оленина, молоко и игристое солнечное вино.

Золотистые волосы Авроры вились и струились по плечам. У неё была светлая кожа, но не такая белая, как у Вато, а глаза были синее самого синего неба. Прекрасные черты её лица были нежными, но волевыми, а красиво очерченные губы всегда таили улыбку.

III. Вesper

Позади замка склон холма был почти отвесным, так что северо-восточная башня соприкасалась со скалой, а подземелья замка соединялись с её недрами. Ведь в скале таилась вереница пещер, о которых знали только Вато и одна-единственная служанка по имени Фалька, от которой у ведьмы не было секретов. Прежний хозяин замка высек в скале эти чертоги в подражание гробницам египетских фараонов и, вероятно, с той же целью, так как в середине одного из залов стояло нечто, очень напоминавшее саркофаг. Вход в эту пещеру, как и в некоторые другие, Вато замуровала. Стены и потолок подземелья были покрыты резными украшениями и причудливыми рисунками.

В этих чертогах ведьма поселила слепую даму, которую звали Вэспер. Её глаза и длинные ресницы были черны как смоль; кожа цвета потемневшего серебра была гладкой и нежной, а волосы, чёрные и прекрасные, красиво ниспадали по плечам. Черты её лица, утончённые и изысканные, были прекрасны если не сами по себе, то благодаря лежавшей на них печати грусти. При взгляде на неё казалось, что больше всего на свете ей хотелось бы лечь и больше не вставать.

Она не знала, что живёт в гробнице, хотя и удивлялась, что не находит рукой окна. Там было много диванов, покрытых для неё богатыми шелками, чтобы она могла на них прилечь, а ковры были такие мягкие, что на любом из них легко можно было заснуть – в самом деле, что ещё делать в гробнице?

В покоях Веспер было сухо и тепло и, как ни странно, вполне хватало свежего воздуха; единственное, чего там не было, – это солнечного света. Ведьма подавала на стол леди Веспер молоко и тёмное, как рубин, вино, пурпурный виноград и гранаты, птицу и другую дичь, которая водится в болотистых чащах. Она наигрывала ей печальные мелодии, присылала музыкантов играть ей жалобно на скрипках, рассказывала ей грустные истории, так что леди Веспер неизменно пребывала в сладкой печали.

IV. Фотоген

У Вато было заветное желание, а ведьмы умеют добиваться желаемого, и вот, у прекрасной Авроры родился мальчик

дивной красоты. Он открыл глаза с первыми лучами восходящего солнца. Вато немедленно унесла его в отдалённую часть замка, убедив мать, что её дитя умерло сразу же после рождения, крикнув один-единственный раз. Обуреваемая скорбью, Аврора покинула замок, как только немного окрепла и смогла встать на ноги, и Вато больше никогда не приглашала её.

А ведьма стала заботиться о том, чтобы дитя не узнало темноты. Она старательно приучала мальчика не смыкать глаз днём и не просыпаться по ночам. Она внимательно следила, чтобы ему на глаза не попадалось ничего чёрного и даже тёмного. Насколько это было в её силах, она старалась не допустить даже, чтобы на него падали тени, бдительно высматривая их, точно это живые существа, которые могут ему навредить.

Целыми днями купался он в щедрых лучах солнца в покоях, где некогда жила его мать. Вато приучала его к солнцу, и со временем он стал выносить его жар лучше любого африканца, в чьих жилах течёт тёмная и горячая кровь. В полуденный зной она раздевала его и клала на самом солнцепёке, чтобы он зрел и наливался силами, точно персик, и мальчик от души радовался солнечным лучам и не хотел одеваться. Она использовала все известные ей средства, чтобы его мускулы сделались сильными и упругими, – дабы душа его, – говорила она, смеясь, – жила в каждой его жилке, в любой клеточке, чтобы сила его мгновенно пробуждалась.

Волосы его были цвета красного золота, и только глаза с возрастом становились всё темнее и темнее, пока не стали такими же чёрными, как у Веспер. Он был самым жизнерадостным ребёнком, всё время смеялся, лучился радостью и любовью, и если мгновение сердился, то затем снова смеялся как ни в чем не бывало. Вато назвала его Фотогён – «рождённый светом».

V. Никтерис

Через пять или шесть месяцев после рождения Фотогена, тёмная дама также родила ребёнка: в глухом склепе, где была заживо погребена слепая мать, непроглядной ночью при бледном свете алебастрового светильника девочка с плачем

явилась во тьму. Её рождение стало для Веспер переходом в мир иной, столь же неизведанный для неё, как этот мир для её дочери, которой также придётся родиться во второй раз, чтобы увидеть свою мать.

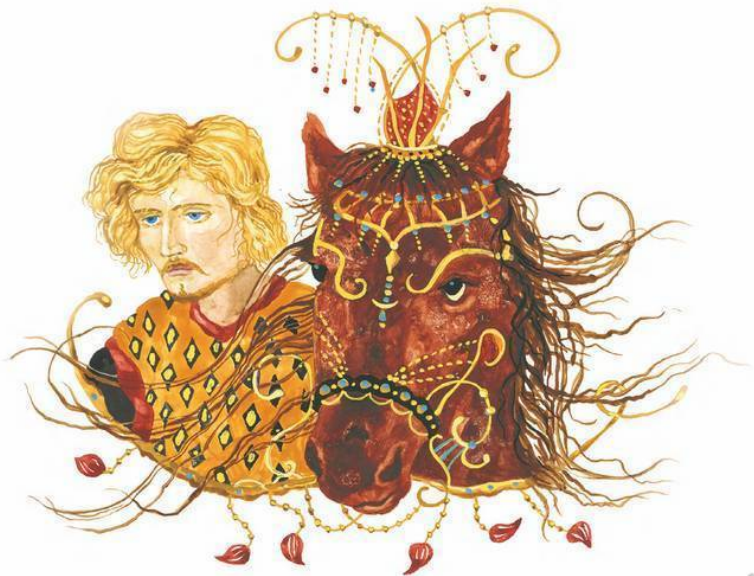
Вато назвала девочку Никтерис – «любимица ночи», – и она росла как две капли воды похожей на мать: такая же тёмная кожа, тёмные ресницы и брови, тёмные волосы, такая же нежная грусть во взгляде; и только глаза у неё были совсем как у Авроры, матери Фотогена, и если они темнели с возрастом, то лишь более пронзительной становилась их синева.

Вато с помощью Фальки заботливо ухаживала за нею, но в полном соответствии со своим планом: девочка не должна увидеть никакого света, кроме света своей тусклой лампы. Из-за этого её зрение стало чутким и глаза невероятно развились, ещё чуть-чуть, и их можно было бы назвать слишком большими. Они смотрели из-под чёрных прядей словно два просвета на затянутом тучами ночном небе, сквозь которые сияет ясный и густо усыпанный звёздами небесный свод.

Малютка была преисполнена печального изящества. Никто в целом свете не знал об этой маленькой летучей мышке. Вато приучила её спать днём и бодрствовать ночью. Она обучала её игре на музыкальных инструментах, которыми сама неплохо владела, а помимо этого – почти ничему.

VI. Как рос Фотоген

Замок Вато располагался на склоне глубокой расселины, прорезавшей плато. С севера и юга почти отвесные склоны переходили в просторную равнину. Она была густо покрыта травами и цветами, встречались и отдельно стоящие деревья и даже рощицы, словно парламентёры, высланные вперёд огромным далёким лесом. Эта поросшая травой равни-

на была настоящим раздольем для охотника. Здесь паслись большие стада не слишком крупных, но свирепых буйволов с мощными холками и лохматыми гривами, бродили олени и антилопы и даже малютки-косули, а в лесу было полным-полно хищных зверей. Словом, недостатка в дичи для своего стола жители замка не испытывали.

Фáргу, главный охотник Вато, был славным малым, и, когда Фотоген подрос и занятий с Вато ему стало недостаточно, она препоручила мальчика его заботам. Тот охотно взялся учить его всему, что умел сам. По мере того как мальчик рос, Фаргу пересаживал его с одного пони на другого, и всякий раз новый пони был крупнее и норовистее прежнего, затем — с пони на коня и с одного коня на другого, пока мальчик не научился держаться в седле ничуть не хуже лучших наездников. Таким же образом Фаргу учил его владеть луком и стрелами, каждые три месяца вручая своему подопечному новый лук туже и тяжелее прежних. Фотоген стал блестящим стрелком и бил без промаха даже из седла. Ему было всего четырнадцать, когда он сразил своего первого буйвола, к великой радости не только охотников, но и всего замка, ведь мальчик был всеобщим любимцем. Каждый день с восходом солнца уходил он на охоту почти на целый день.

Вато строго-настрого наказала Фаргу ни под каким предлогом не оставлять Фотогена под открытым небом во время захода солнца, чтобы ему, чего доброго, не захотелось узнать, что бывает дальше. И этот наказ Фаргу всеми сила-

ми выполнял — он не дрогнул бы, даже если прямо на него ринулось целое стадо буйволов, готовое втоптать его в землю, а у него в колчане не осталось ни одной стрелы, но своей госпожи он боялся до дрожи. По его собственному признанию, стоило ей строго взглянуть на него, и он чувствовал, как сердце его уходит в пятки, а кровь леденеет в жилах.

Когда Фотоген начал подрастать, Фаргу стал опасаться, что вскоре не сможет удержать его в повиновении. Он был настолько полон жизни, — рассказывал Фаргу своей госпоже, к огромному её удовольствию, — что больше походил на молнию в человеческом обличье.

Страх был неведом ему, но не потому, что он не знал настоящей опасности, — однажды дикий кабан серьёзно ранил его острым как бритва клыком, но Фотоген перебил ему хребет одним ударом своего охотничьего ножа раньше, чем Фаргу подоспел к нему на помощь. Пришпоривая коня, мальчик гнал его в самую гущу стада буйволов, вооружённый лишь луком и коротким мечом, или, выпустив стрелу, бросался к своей добыче, точно стремясь догнать стрелу на лету, и ударом копья добивал раненого зверя, не дав ему опомниться.

Фаргу со страхом думал о том, что же будет, когда мальчик вкусит восторг охоты на обитателей леса — изукрашенного причудливыми пятнами леопарда и рысь с острыми как ножи когтями. Ибо мальчик был настолько пронизан солнцем, с рождения так напился его силой, что на любую опас-

ность он взирал с невозмутимой высоты своей отваги.

Наконец, когда Фотогену сравнялось шестнадцать, Фаргу убедил Вато, чтобы она сама объявила юноше свою волю. «Кто сможет удержать такого стремительного огненно-рыжего льва, как Фотоген, – сказал он, – если ему что-нибудь взбредёт в голову?» Вато позвала юношу и в присутствии Фаргу строго-настрого запретила ему покидать замок после того, как солнце коснётся горизонта, сопроводив своё повеление намёками на страшные последствия непослушания, – туманная неопределённость делала их ещё более пугающими. Фотоген почтительно выслушал её, но для него, не ведавшего ни тени страха, ни соблазнов ночи, угрозы Вато были пустым звуком.

VII. Как росла Никтерис

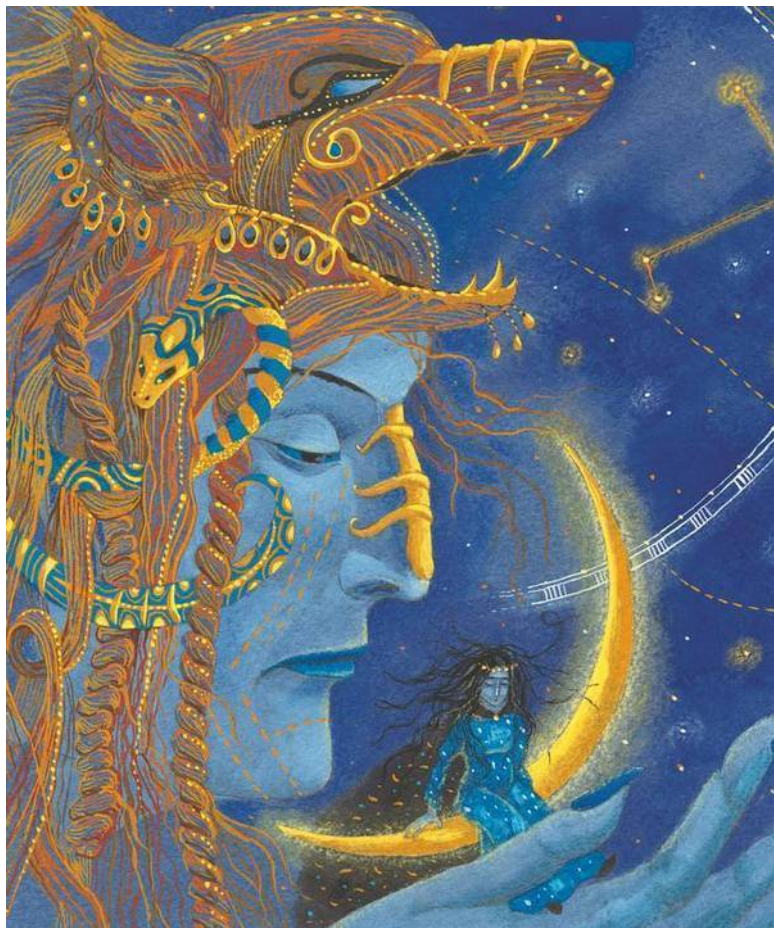
То немного, чему Вато считала нужным обучить Никтерис, она передавала ей на словах. Полагая, что в полутьме подземелья читать невозможно, не говоря уж о других причинах, ведьма не давала ей книг. Однако Никтерис видела куда лучше, чем полагала Вато, и тусклого света ей было вполне достаточно.

Она уговорила Фальку обучить её буквам, после чего Никтерис сама выучилась читать, а Фалька время от времени приносила ей детские книги. Но главной её отрадой была игра на музыкальных инструментах. Она любила перебирать струны и клавиши, её пальчики бродили по ним словно овечки на пастбище.

Она вовсе не чувствовала себя несчастной. Иного мира, кроме своей гробницы, она не знала, и находила радость во всём, чем занималась. И всё же ей хотелось чего-то большего, быть может, чего-то иного. Она не знала, чего именно, и решила, что ей просто тесно и хочется простора. Вато и Фалька уходили из круга света её светильника и возвращались, а значит, думала она, где-то наверняка были и другие, неизвестные ей покои.

Оставшись одна, Никтерис любила рассматривать разукрашенную резьбу, покрывавшую стены. Там были аллегорические изображения различных сил природы, и поскольку невозможно создать ничего, что не укладывалось бы в общий план Творения, подобие подлинной жизни проникало

и в её темницу.

Но что волновало её больше всего – это светильник, свисавший с потолка и горевший всегда, сколько девочка себя помнила, хотя самого пламени она никогда не видела, лишь неяркое сияние в центре алебастрового шара. Никтерис казалось, что она взглядом может проникнуть в непрозрачность шара и мягкость его свечения, и неведомым образом это напоминало ей о желанном просторе. Долгими часами просиживала она, не сводя глаз со светильника, и сердце её переполнялось. Обнаружив, что её лицо залито слезами, она сначала недоумевала, что же могло её так опечалить, а затем дивилась тому, что плакала, сама того не замечая. Поэтому она никогда не заглядывалась на светильник, не убедившись, что осталась одна.

VIII. Светильник

Отдавая распоряжения, Вато была уверена, что они неукоснительно исполняются и что Фалька проводит в подземных покоях целые ночи, которые для Никтерис были днями. Но Фалька никак не могла привыкнуть спать днём и

нередко оставляла девочку одну. Тогда Никтерис казалось, что присматривать за ней остаётся белый светильник. Поскольку он никогда не угасал, Никтерис не знала не только дневного света, но и полной темноты – кроме той, что бывает, когда закроешь глаза. Да ещё и висел светильник почти под самым потолком ровно посередине её комнаты, так что и о тенях она почти ничего не ведала. Те немногие, что всё же были видны в неярком свете, ложились под ноги или, словно мыши, прятались по углам.

Однажды, когда Никтерис вот так сидела в одиночестве, до неё донеслись далёкие раскаты грома. Никогда прежде не слышала она таких звуков и не могла понять их природу, но они стали для неё неожиданным свидетельством: за пределами её чертогов что-то есть! Потом всё жилище Никтерис содрогнулось, светильник с грохотом рухнул с потолка и погас, и она почувствовала себя так, будто сильно-пресильно зажмурила глаза, да к тому же ещё и закрыла их руками. Никтерис решила, что во всём виновата темнота: это она произвела страшный грохот и землетрясение и, ворвавшись в комнату, сбросила и разбила светильник. Бедняжка сидела, дрожа от страха. Вскоре гром и землетрясение прекратились, но света по-прежнему не было. Тьма поглотила его!

Как только светильник погас, в душе Никтерис сразу проснулось желание выбраться из темницы. Вряд ли она представляла себе, куда можно выбраться, ведь её подземелье было единственным миром, который она знала, – а там

не было даже дверей из одной комнаты в другую, только открытые арки. Но вдруг она вспомнила, как недавно Фалька говорила, что масло в светильнике «скоро выйдет»: так вот что она имела в виду! Если светильник мог выходить, то куда именно? Конечно, туда же, куда выходила Фалька, и так же, как она, должен вернуться. Но она не могла ждать. Желание выбраться стало непреодолимым. Надо пойти вслед за чудесным светильником! Надо найти его! Надо узнать, в чём же дело!

В одной из стен в подzemелье Никтерис была ниша, где хранились её старые игрушки, и нишу эту скрывала занавесь. Именно из-за неё всегда появлялись Вато и Фалька и за нею исчезали. Девочка не понимала, как удавалось им проходить сквозь стену: перед занавесью было пространство, а за нею, видимо, глухая стена. Так что в первую очередь надо было поискать проход за занавесью.

Было так темно, что даже кошка вряд ли смогла бы поймать мышь, пусть и самую крупную. Никтерис видела в темноте лучше любой кошки, но сейчас даже от её больших глаз было мало пользы. Она попробовала продвигаться на ощупь и тут же наступила на осколок светильника. Без обуви и чулок ей было очень больно, хотя она и не поранилась. В темноте она не видела, на что наступила, но поскольку до того, как в комнате погас свет, на полу ничего не было, она предположила, что это светильник. Встав на колени и нащупав два самых больших обломка, она сложила их и узнала его

очертания. Тогда её осенило, что светильник умер, что его крушение и есть смерть, о которой она читала в книгах, не понимая о чём идёт речь, и ещё – что это тьма убила её светильник. Он лежал перед ней – мёртвый и настолько непохожий на себя, что она ни за что не узнала бы в нём прежний светильник, если бы не его форма. Нет, это больше не светильник, он был мёртв, утратив главное своё свойство – способность светить. Значит, то, что вышло из него – это свет! Так вот о чём говорила Фалька! Свет, должно быть, где-то рядом, в стене. И Никтерис снова принялась ощупью продвигаться к занавеси.

Никогда в жизни она не пыталась выбраться наружу и понятия не имела, как это сделать. Сама не зная почему, она стала ощупывать одну из стен за занавесью, почти готовая к тому, что её руки погрузятся в камень и она сможет пройти сквозь стену, – ей казалось, что так и делали Вато и Фалька. Однако стена была неприступна, и девушка хотела повернуть в противоположную сторону. Вдруг она наступила на игровой кубик из слоновой кости той же самой ногой, что и на осколок алебаstra. От боли она покачнулась и уткнулась вытянутыми руками в стену. В стене вдруг повернулась каменная плита, и девушка выпала наружу из своей пещеры.

IX. Снаружи

Но увы! Снаружи всё было почти так же, как внутри, ибо и здесь царствовал прежний враг – тьма. И вдруг Никтерис ощутила настоящий восторг – и причиной тому был светля-

чок, влетевший в подземелье из сада. Она увидела вдали слабый отблеск света. Этот свет чуть заметно пульсировал, то затихая, то разгораясь, и медленно приближался к ней прямо по воздуху, мягко и неспешно, точно он плыл, а не летел ей навстречу, и казалось, что свет этот движется сам собою.

«Это он! Мой светильник! – обрадовалась Никтерис. – Это сияние моего светильника, которое похитила злобная тьма. Так значит, мой милый светильник всё это время ждал меня здесь! Он знал, что я приду за ним, ждал, чтобы повести меня за собою».

Она пошла вслед за светлячком, который тоже искал выход наружу. Хотя он и не знал пути, всё же он сам был светом; а поскольку весь свет един, то даже самый слабый его источник может служить проводником к большему свету. Если Никтерис и ошибалась, считая светлячка духом своего погибшего светильника, он всё же был одного с ним духа, к тому же у него были крылья. Изумрудно-золотой летучий кораблик, движимый силою света, трепеща, плыл перед нею по длинному узкому коридору. Внезапно он взметнулся вверх, и в тот же миг Никтерис упала, споткнувшись о ступеньки лестницы. Она никогда раньше не видела лестниц, и подъём был для неё крайне непривычным делом. Когда она, как ей казалось, добралась до самого верха, светлячок вдруг перестал светиться и исчез. Она снова оказалась в полнейшей темноте.

Когда мы следуем за светом, даже его исчезновение – это

знак. Если бы светлячок светился по-прежнему, Никтерис увидела бы поворот лестницы, ведущий к спальне Вато, и пошла бы туда. Но теперь, ощупывая стену прямо перед собой, она наткнулась на закрытую дверь, которую хоть и не без усилий, но всё же смогла открыть, – и замерла на пороге в восхищённом замешательстве, трепете и восторге. Что же это?! Видит ли она всё это на самом деле, или это её воображение сыграло с ней шутку? Длинный и тесный коридор выводил в невероятных размеров зал (непонятно, как его вообще можно было высечь в скале), стены которого уходили вверх и в стороны так далеко, что их не было видно – пространство как будто переполняло его.

Здесь было светло, Никтерис ещё никогда не видела столько света – и шесть алебастровых светильников не светили бы ярче. Всё вокруг было исчерчено узорами диковинных оттенков и очертаний, очень непохожих на те, что она привыкла видеть в своих покоях. Она была словно во сне – в сладком недоумении и восторженном смятении. Она сама не понимала, стоит ли на ногах или плывёт по воздуху, как светлячок, движимая переполнявшим её восторгом. Как мало ещё знала она о своём открытии!

Переступив порог, девушка, с рождения не выходившая из своей пещеры, окунулась в чары южной ночи, в сияние полной луны – не той, к которой привыкли мы в наших северных краях, а той, что похожа на расплавленное в горниле серебро. Это был не далёкий плоский диск, бледнеющий

на небосводе, а низко-низко нависший над землёй шар, который, кажется, можно оглядеть со всех сторон, стоит лишь немного повернуть голову.

«Вот он, мой светильник!» – подумала Никтерис и, застыв в молчании, всё смотрела и не могла насмотреться, ей казалось, что она стоит здесь в безмолвном восторге с самого рождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.